

Сентябрь 2019 года

Франсуа Вильмен открыл дверь в аудиторию, предоставленную в его распоряжение факультетом Турского университета, и пригласил студентов занять места за партами.

— Всем добро пожаловать, — начал он, выкладывая свой ноутбук на стол и подключая его к интерактивной доске.

В шерстяном костюме, подчеркивающем стройную фигуру, с благородной лысиной и ухоженной белой бородкой он был похож на шотландского актера. Разумеется, мало кто из присутствующих, в силу своего юного возраста, знал Шона Коннери. Но он поддерживал это сходство с некоторым лукавством, забавляясь их неосведомленностью, как эрудит улыбается при виде допустившего промах всезнайки.

Он подождал, пока все усядутся, затем, дождавшись полного внимания, убавил свет в зале и начал свою лекцию:

— Итак, на втором занятии мы поговорим о деле, появившемся в восьмидесятые годы, которое я назвал «Убежище Сандрины». Как и в прошлый раз, я сначала перечислю факты, а затем мы перейдем к вопросам. Предупреждаю сразу — бесполезно искать информацию в ваших смартфонах или рыться в вашей юной памяти, пытаясь вспомнить об этом деле. О нем не упоминается ни в одном источнике. И в конце лекции вы поймете, почему...

«Займи себя чем-нибудь...

Почитай, к примеру, свой стих...

Так будет легче...

Вот увидишь, завтра, когда учительница тебя вызовет к доске, ты мне скажешь спасибо...

Иди сюда...

Поближе...

Так будет легче...»

ПЕРВАЯ ВЕХА ОСТРОВ

1949 год

Валери размахнулась и с силой бросила палку. Она взмыла высоко вверх, бросая вызов серым облакам, после чего упала на песок. Бежевый лабрадор бросился за ней следом, схватил зубами, виляя хвостом от удовольствия, затем повернулся к своей хозяйке, которая медленно шла вдоль пляжа.

— Давай, неси сюда!

Валери наклонилась, похвалила своего питомца и снова бросила палку. Легкий осенний ветерок освежал лицо, неся с собой опьяняющий запах соли и морских водорослей, истрепанных волнами. Сквозь пелену низких облаков пробивался слабый свет только что проснувшегося солнца.

Каждое утро Валери и Гус, ее двухгодовалый пес, гуляли вдоль океана. Этот ритуал не менялся никогда, невзирая на дожди и ветра. Эта ежедневная прогулка не только давала им возможность провести время вместе. Прежде всего она позволяла молодой женщине вдыхать полной грудью свободу, которой она была лишена долгие годы.

Валери на секунду оставила лабрадора и повернулась лицом к морю. Волны нежно ластились к ее ногам.

Она закрыла глаза и прислушалась.

Ничего.

Ничего, кроме шума волн и крика чаек.

Никакого гула немецкого бомбардировщика за облаками.

Никакой тягостной тишины, сопровождающей роковой полет хищного снаряда.

Никакой противовоздушной сирены, призывающей жителей укрыться в своих погребях.

Никакого обреченного шепота людей вокруг, которые, скорчившись в своих импровизированных убежищах, не осмеливаются поднять голову из страха притянуть смертельную вспышку своим измученным от ужаса взглядом.

Валери вздохнула, на ее губах мелькнула улыбка. Она открыла глаза, заметила вдали крошечный силуэт острова, утопающий в морской дымке, затем повернулась к зданиям, стоящим вдоль береговой линии. Ее лицо омрачилось. Пелена боли и воспоминаний покрыла ее лоб морщинами, но она помнила свое обещание — еще час назад повторяла его себе, натягивая куртку, — она не будет плакать. Война оставила после себя разруху. Разбитые стекла, развороченные фасады, изуродованные крыши... «Понадобится время, много времени, чтобы все восстановить», — подумала она, глядя на руины.

Негромкое тьякканье выдернуло ее из мыслей в тот момент, когда она ощутила, как к горлу подступает ком. В нескольких метрах от нее Гус улегся на землю и затих, по всей видимости, напуганный большой стаей чаек, на секунду зависшей над пляжем, затем резко спикировавшей вниз неподалеку от него.

Валери подошла к собаке, села на корточки рядом и потрепала ее по голове.

— Мы боимся птичек? — насмешливо прошептала она.

А чаек и впрямь было слишком много. Наблюдая, как они всем скопом взмывают в небо, затем устремляются вниз, она ощутила давно забытый укол любопытства. Обычно эти птицы собирались в небольшие стаи по десять, иногда по двадцать особей, не больше. По крайней мере, в ее воспоминаниях. Но сейчас, она могла бы поклясться, больше сотни чаек наполняли воздух шелестом крыльев и щелканьем клювов.

«Что там могло случиться? — подумала она, поднимаясь. — Ладно, оставайся здесь, если хочешь, трусишка. А я пойду, посмотрю поближе».

Молодая женщина оставила собаку, которая жалобно заскулила, но крик чаек заглушил этот звук. Она направилась в сторону самого большого скопления птиц, расположившегося в пятидесяти метрах от нее, прямо у кромки моря. Валери привычно огляделась вокруг, чтобы убедиться, что ей ничто не угрожает. Эта привычка осталась еще с тревожных времен, когда она шагала одна по улицам своего квартала с продуктовой карточкой в руке, чтобы добыть еды для своей матери и братьев.

Никого не было видно.

Вокруг все оставалось таким же: с одной стороны — молчаливые руины, с другой — море, холодное и безразличное, с виднеющимся вдалеке островом, едва различимым, похожим на крошечный камешек. Пугающие тени, прятавшиеся в закоулках города, развеялись уже давно, с приходом американцев. Взгляды, которые она чувствовала на себе, шагая по улицам, — враждебные или испуганные, в ту пору было сложно их различить, — больше не ложились ей на плечи тяжким грузом, вызывая желание съежиться, чтобы стать незаметнее.

Теперь наконец-то обретенная свобода позволяла ей держаться прямо и гулять по пляжу без опаски. Но молодой женщине еще не удалось до конца избавиться от прежних рефлексов затравленной жертвы.

Валери уже была в десятке метров от скопления чаек.

Внезапно они взмыли вверх, видимо, испугавшись незаметно подошедшего человека. Затем, решив, что их занятие важнее, и, пренебрегая опасностью, они снова шумно спикировали на песок. Едва опустившись на свое таинственное сокровище (Валери успела заметить что-то похожее на ствол дерева), птицы принялись с недовольным клекотом наскакивать друг на друга, угрожающе раскрывая клюв и размахивая широкими крыльями. Глядя на них, можно было подумать, что эта ярость не имеет ничего общего с выживанием, и цель ее — просто смерть. Слово, подражая людям, чайки решили воевать друг с другом, на-

помнив Валери детей, играющих на улицах в войну в более чем правдоподобной обстановке.

«Кажется, вслед за людьми птицы тоже сошли с ума!»

Хозяйка Гуса (который по-прежнему лежал на песке, наблюдая за ней испуганным взглядом) застыла на месте, наблюдая за этим странным неистовством. Но внезапно мимолетная картинка уколола Валери ледяной иглой прямо в нижнюю часть позвоночника. По всему телу пробежал озноб, постепенно добравшись до губ, онемевших от ужаса, которому она еще не нашла названия, и они прошептали, до конца не осознавая происходящего: «Это невозможно».

— Это невозможно.

Эта фраза давно потеряла всякий смысл. Понятие невозможности исказилось, искалеченное человеческой природой. Бомбы, сброшенные на мирных жителей. Тела изнасилованных женщин, оставленные солдатами лежать в развалинах. Дети, протягивающие худенькие ручки через прутья вагона...

Ничего невозможного больше не осталось. Война разрушила и смысл слов тоже.

Однако женщина снова повторила эту фразу, не отдавая себе в этом отчета, словно это стало ответной реакцией на любую трагедию.

Брошенная ранее палка лежала у ее ног. Она схватила ее и, дрожа всем телом, сделала несколько шагов вперед. Тут же ее ноздри заполнил жуткий запах, от которого она согнулась пополам, давая возможность желудку исторгнуть свое содержимое. Но после нескольких спазмов наружу вышла только желчь. Когда боль отступила, Валери выпрямилась, вытерла ладонью слезы, выступившие на глазах, и бросила гневный взгляд на армию, расположившуюся перед ней. «Это всего лишь птицы, — повторила она, чтобы придать себе смелости. — Ты сталкивалась с вещами похуже и выжила, так что иди, нужно проверить, что там...»

Размахивая палкой, она со всех ног бросилась к чайкам, стараясь кричать как можно громче.

В ту же секунду шумно захлопали десятки пар крыльев, и птицы дружно взмыли ввысь, направляясь к морю с недоволь-

ными криками. Несколько дерзких чаек просто отбежали назад, перебирая своими тонкими лапками, и с любопытством уставились на Валери, стоящую в паре метров от тела, которое теперь открылось ее взору.

— О, боже, — выдохнула она, обнаружив полуобглоданный труп.

У него не хватало руки, а также нижней части ноги. Он лежал, уткнувшись лицом в песок. Длинные липкие волосы, похожие на водоросли, свисали с головы. Полупрозрачная кожа была испещрена многочисленными ранами, без сомнения, оставленными клювами чаек или хищными рыбами.

Молодая женщина медленно отступила назад. Она бросила быстрый взгляд в сторону домов, надеясь увидеть кого-нибудь из людей. Ей очень хотелось позвать на помощь, но она была на это не способна. Ее мозгу с трудом удалось передать ей важную информацию: как можно скорее отойти от этого трупа.

Тем временем краем глаза она заметила быстрое движение справа. Оно шло со стороны неба.

Что-то быстро спускалось к морю.

Затем вновь поднималось.

Валери не испытывала никакого желания поворачивать голову, чтобы понять причину этого зловещего танца. Ей хотелось со всех ног мчаться с этого пляжа, чтобы больше никогда не слышать хриплых криков чаек, призывающих ее посмотреть в ту сторону. Но у нее не было на это сил. И тогда она медленно повернулась к каменистому силуэту острова и сквозь вновь на вернувшиеся на глаза слезы посмотрела на птиц.

Скопление чаек разделилось на несколько групп, которые по очереди исполняли один и тот же балет в разных точках. Птицы пикировали в море, чтобы подкрепиться, но их пиршество то и дело прерывал натиск прибоя, трепавшего их добычу.

Таким образом, то скрываясь за волнами, то вновь появляясь в зоне видимости, в сторону пляжа медленно плыли другие останки, терзаемые голодными хищными птицами. Пять, шесть, девять... Десяток тюков из кожи и костей всплыли из холодной воды, все ненормально раздутые от газов, скопившихся в разлагающихся органах, все частично истерзанные хищниками.

— Боже милостивый...

Когда второе тело вынырнуло прямо перед ней (даже не полностью тело, скорее, туловище без ног) и бледное лицо уставилось на нее пустыми глазницами, Валери, сопровождаемая несущимся по пятам Гусом, побежала прочь от пляжа.

А за ее спиной, словно эхо ее безмолвному воплю, десятки голодных клювов разорвали тишину насмешливыми криками.

2

Сандрина Ноябрь 1986 года

«Я вляпалась в дерьмо».

Сандрина с сожалением взглянула на свои кроссовки, наполовину увязшие в смеси грязи и коровьих экскрементов. Она вспомнила, как обувала их сегодня утром, белые, без единого пятнышка. А сейчас, стоя посреди поля, на которое она вышла, не глядя под ноги, она с трудом различала логотип на боку кроссовок.

— Вы понимаете, я даже ничего не слышал. Ничего. Они сделали это ночью.

Сандрина посмотрела на фермера, который в нескольких метрах от нее (и благоразумно обутый в высокие резиновые сапоги) показывал толстым указательным пальцем на стадо коров, виднеющихся за оградой из колючей проволоки.

— Что говорит полиция? — спросила она, фотографируя животных.

— Что это, скорее всего, мальчишки. Что они сделали это ради забавы... Но что мне теперь делать с ярмаркой?

— С ярмаркой?

— Да, ярмарка домашнего скота начнется через восемь дней, — уточнил он с легким акцентом. — Мои коровы молочные. Хоть ярмарка и мясная, я все равно смог бы их продать, де-

шевле, конечно... Но теперь никто их не захочет. С этой штуковиной на боку... Кто возместит мне ущерб?

«С этой штуковиной на боку...»

Кресты с загнутыми концами.

Небрежно нанесенные краской из баллончика на боку десятка коров.

Фашистская свастика.

Журналистка ощутила жжение в районе запястья, там, где под широким кожаным браслетом скрывались ее шрамы. Она сглотнула, прогоняя этот горький привкус, отравляющий ей память.

— Не знаю, месье Вернст. Может быть, страховка?

— Страховка... Я и десятой части стоимости по ней не получу. Идемте отсюда, тучи собираются, как бы дождь не полил. Надо же, как вы извозились!

Сандрина принялась старательно вытирать кроссовки о траву, пытаясь оставить на ней как можно больше грязи. Она пообещала себе бросить в машину пару резиновых сапог для следующего раза, когда ее снова отправят освещать такую же сенсацию...

«Подумать только, еще три недели назад я бродила по улицам столицы, мечтая получить место журналистки в крупной ежедневной газете...».

Пожилой мужчина (лет шестидесяти, может, больше: было сложно определить возраст по лицу, изнуренному многолетней работой фермера) откупорил бутылку белого вина, достал из холодильника тарелку с колбасой и выставил все на крепкий дубовый стол. В комнате пахло потом и влажной одеждой, из печи доносился легкий запах гари. Сандрина грелась, стоя у огня. От своих кроссовок она избавилась, оставив их стоять на коврике перед входной дверью, словно слишком грязного пса, которому не место в доме.

— Моя статья выйдет завтра, — громко произнесла она, слушая звон посуды, доносящийся с кухни. — Вы подписаны на нашу газету?

— Нет. И у меня нет времени ездить в город.

— Тогда я сама вам ее привезу, — пообещала она. — Надеюсь, моя статья вызовет резонанс.

— Вы в самом деле так думаете? — насмешливо спросил Франк Вернст, который вошел в комнату, держа в руках тарелки, бокалы, буханку хлеба и ножи.

«Конечно же нет. Только не здесь, не в этой глуши», — призналась себе Сандрина.

— Присаживайтесь, держите, это хорошее вино.

Она уселась за стол и приняла бокал, который ей протягивал Вернст. У нее вдруг возникло странное ощущение, что она уже раньше встречала этого мужчину. Но это было невозможно, потому что она приехала в Нормандию всего две недели назад. «Может, я видела его в булочной в городе, или... в мясной лавке», — предположила она, разглядывая тарелку с колбасой и паштетом, стоявшую перед ней.

— Нужно подкрепиться, чтобы голова лучше работала, — произнес Вернст, заметив ее нерешительность.

— Но сейчас всего десять часов утра... — заметила Сандрина.

— Время — понятие непостоянное. Для вас — сейчас всего десять часов. А я уже провел в поле пять часов, и для меня это середина рабочего дня. Самое время перекусить.

Сандрина подчинилась. Она намазала паштетом тонкий ломтик хлеба и сделала глоток вина, не скрывая своего удовольствия. Франк жевал не спеша, церемонно. Он налил себе второй бокал, предложил Сандрине, затем с важным видом поставил бутылку на место.

— Вы знаете, война от нас никуда не ушла. Она по-прежнему здесь, — показал он, постучав указательным пальцем по правому виску. — Этим поганцам совсем не обязательно было мне о ней напоминать, разукрашивая моих коров. Она спит со мной каждую ночь. Нет преданнее спутницы, чем война. Когда вы с ней встречаетесь, это на всю жизнь...

— Мне очень жаль, месье Вернст.

— Знаю, знаю. Нам всем жаль.

— Как... Как вы здесь оказались?

— Очень просто. Меня привела во Францию самая худшая из причин — война. А оставила здесь самая лучшая из причин — любовь.

— Правда?

— Да. За год до окончания войны я влюбился в одну парижанку. Но мы были вынуждены скрывать наши чувства. Сами понимаете, немецкий солдат и француженка... Мы кочевали по стране, а когда вся эта история стерлась из памяти людей, мы решили обосноваться здесь. Это было десять лет назад.

— Вы живете один?

— Да, — ответил он без всяких уточнений.

Сандрина обвела комнату взглядом: старый диван, мебель из темного дерева, картина, потертый ковер, старинные фотографии в рамках. Ни телевизора, ни телефона. Несколько книг довоенной эпохи в самодельном книжном шкафу. Эта ферма словно застыла в неопределенном времени. Подобно солдату, ожидающему прекращения огня, она казалась неподвижной, боязливой, не решаясь двинуться ни вперед, ни назад, отказываясь открыться своей эпохе, музыке, сериалам по выходным, чтению более современной и менее воинственной литературы. Она боялась разрушения, которое пророчили ей эти кресты, нарисованные на коровах.

Десять минут спустя Сандрина поблагодарила Франка и пообещала ему написать выразительную статью, которая никого не оставит равнодушным. Ей хотелось бы добавить еще несколько слов, более личных, о долге памяти, об ужасах войны, об этой запретной любви между немецким военным и обычной француженкой, но у нее не хватило смелости. С одной стороны, потому что она не чувствовала себя вправе затрагивать эти темы, о которых знала лишь из учебников истории. С другой стороны, потому что ее не покидало странное чувство, что она уже где-то видела этого человека. Она не знала, почему, но была уверена, что это чувство неловкости исчезнет только тогда, когда она покинет этот дом.

Закрыв за собой входную дверь, Сандрина наклонилась, чтобы надеть кроссовки. Она на секунду замерла, заметив, что они были вычищены пожилым мужчиной, видимо, когда он нахо-